

Посвящается Рыжей Курочке

Пролог. Тинталья и Айсфир

Тинталья легко парила в воздушных потоках, плотно прижимая лапы к туловищу и широко расправив крылья. Ее колеблющаяся тень скользила по волнистому песку пустыни, словно некое змееподобное существо с крыльями летучей мыши и длинным чешуйчатым хвостом. Удовлетворенное урчание рождалось глубоко в горле Тинтальи, довольной нынешним днем. Они с Айсфиром славно поохотились на рассвете. Сперва убивали животных, преследуя, как всегда, каждый свою добычу, а затем устроили пир и хорошенько выпались. Теперь же два дракона, все еще перемазанные кровью и потрохами жертв, стремились к иной цели.

Впереди и чуть ниже Тинтальи блестел темный силуэт Айсфира. Он изогнулся, перемещая центр тяжести, чтобы поймать и оседлать ветер. Айсфир был более длинным, тяжелым и мощным, чем Тинталья. И если ее похожая на перья чешуя отливала искрящейся синевой, то он был абсолютно черным. Айсфиру пришлось дорого заплатить за долгое заточение во льдах, на исцеление его тела потребовались годы.

На толстых перепонках между костями больших крыльев Айсфира все еще зияли прорехи. Менее значительные раны уже давно затянулись, но разрывы на крыльях заживали намного медленнее, а выпирающие шрамы от них останутся навсегда. «В отличие от моего собственного лазурного совершенства», — подумала Тинталья и восхищенно покосилась на свои сверкающие крылья.

Словно почувствовав, что подруга не смотрит на него, Айсфир заложил крутой вираж и начал снижаться кругами. Тинталья знала, куда они летят. Неподалеку над песком возвышалась скалистая гряда. Чахлые деревца и серо-зеленый кустарник покрывали зазубренный хребет и неровные впадины. А перед этими скалами в просторном песчаном бассейне прятался оазис, окруженный редкими деревьями. Вода поднималась из недр земли и наполняла широкую спокойную заводь. Даже зимой в этом углублении сохранялось дневное тепло.

После полудня они собирались от души поплескаться в нагретой солнцем воде оазиса: выкупаться, отмыть кровь со шкур, а затем

покататься по жесткому песку, тщательно полируя чешуйки. Драконы хорошо знали это место. Их охотничьи угодья простирались очень далеко по всей округе, но примерно раз в десять дней Айсфир снова приводил их сюда. Он утверждал, что сохранил воспоминания об оазисе со времен своей далекой молодости.

Когда-то здесь находилось поселение Старших, или, как их еще называли, Элдерлингов, которые заботились о драконах, частенько прилетающих к ним в гости. Сегодня от тех белокаменных зданий и бережно выращенных виноградников ничего не осталось. Наползающая пустыня поглотила их город, но оазис сохранился. Тинталья предпочла бы улететь дальше на юг, в пустыню из красного песка, куда никогда не приходит зима, но Айсфир отказался наотрез. Подозревая, что у него попросту не хватает выносливости для столь длительного перелета, Тинталья не раз подумывала о том, чтобы оставить своего спутника здесь, а самой продолжить путь. Но ее пугала перспектива вновь оказаться одной: она и без того слишком много времени провела в полной изоляции, в плену кокона, чтобы вновь остаться без общения с себе подобными, пусть даже и с таким своенравным и язвительным драконом, как Айсфир.

Он летел низко, почти скользя по раскаленной поверхности пустыни. Редкие мощные взмахи крыльев направляли полет и расшвыривали песок в разные стороны. Тинталья копировала его движения, оттачивая свое мастерство: тут есть чему поучиться. При всех своих многочисленных недостатках Айсфир был истинным повелителем воздуха.

Они следовали контурам ландшафта. Тинталья знала, что задумал ее спутник: бреющий полет приведет их к краю котловины, затем последует безумное скольжение вниз вдоль песчаной дюны, и в конце концов они оба с распростертыми крыльями окунутся в неподвижную, нагретую солнцем воду, подняв целые фонтаны брызг.

Драконы проделали уже половину пути вниз по склону, когда песок у верхнего края котловины внезапно взорвался. Служившие укрытием холстины были отброшены в сторону, и на их месте выросли шеренги лучников. Туча стрел роем полетела в драконов, с грохотом задевая их бока и крылья. К тому времени драконы летели уже слишком близко к земле и не могли снова набрать высоту. Айсфир, достигнув воды, чиркнул по ее поверхности крылом и развернулся. Следовавшая за ним

Тинталья не успела ни свернуть, ни остановиться. Она врезалась в Айсфира, и, как только их крылья и лапы перепутались на теплом мелководье, копейщики покинули свои укрытия и атаковали драконов, словно армия муравьев. Позади них поднялись еще какие-то люди и бросились вперед, держа наготове тяжелые сети из толстых веревок и цепей.

Резким движением, совершенно не беспокоясь о том, что может навредить ей, Айсфир высвободился и оторвался от Тинталья. Он выскочил из озера и накинулся на людей, втапывая их в воду. Копейщики попытались убежать, но он раздавил часть их мощными задними лапами, потом развернулся и, махнув длинным хвостом, сбил еще нескольких.

А затем ошеломленная Тинталья, все еще барахтавшаяся в воде, увидела его распахнутую пасть. За рядами блестящих острых белых зубов мелькнули алые с оранжевым пазухи, наполненные ядом. Айсфир повернулся к нападающим и с шипением и ревом выпустил алое отравленное облако. Едва оно накрыло людей, как к синей чаше неба взметнулись отчаянные крики.

Кислота разъедала их плоть. Кожаные и металлические доспехи не могли защитить от нее, разве что слегка замедляли пагубное действие яда. Капли его падали на землю, легко проходя сквозь человеческие тела, оставляя дыры в коже, мясе, костях и внутренностях, и с шипением впитывались в песок. Некоторые умирали мгновенно, но таких было не много.

Засмотревшись на Айсфира, Тинталья потеряла бдительность — ее накрыла сеть. Каждый узел утяжеляли свисающие куски свинца, да к тому же в веревки были вплетены тонкие и толстые цепи, некоторые из них — с зазубренными крюками. Сеть скрутила и спутала крылья Тинталья, и, как только драконица отчаянно забила передними лапами, они запутались тоже. Тинталья яростно взревела и, когда копейщики вошли на мелководье возле берега, почувствовала, что ее собственные железы с ядом тоже набухают. Она краем глаза увидела, что лучники натягивают тетивы, готовясь дать запоздалый залп вниз вдоль песчаного склона.

Драконица дернулась, когда копье попало в уязвимое место между чешуйками за ее передней лапой, в нежную область возле груди. Оно не проникло глубоко, но Тинталья до этого прежде никогда не ранили.

Она повернулась, рыча от боли и гнева, и яд облаком вырвался из ее пасти вместе с криком. Копейщики в ужасе опрокинулись назад. Ядовитые пары осели на сеть, ослабив веревки и цепи: они все еще опутывали драконицу, но теперь она, по крайней мере, могла двигаться. Ярость охватила ее. Неужели люди осмелились напасть на драконов?

Тинталья выбралась из воды и кинулась в гущу воинов, разрывая их когтями и хлеща хвостом, и каждый ее крик ярости сопровождало облако яда. Скоро пронзительные вопли гибнущих людей заполнили воздух. Смотреть на Айсфира не было нужды: она и так слышала звуки бойни, которую он устроил.

Стрелы вновь простучали по ее телу и больно ударили в крылья. Тинталья взмахнула ими, сбив около дюжины человек, и отбросила последние куски сети. И, тут же почувствовав горячий укус стрелы под левым крылом, сложила их обратно, слишком поздно осознав: люди только того и добивались, чтобы она открыла свои уязвимые места, подставив под удар более нежную плоть. Но, складывая крыло, драконица только еще глубже затолкнула в рану древко стрелы. Тинталья взревела от боли и развернулась снова, взмахнув хвостом. Она мельком увидела Айсфира, челюстями схватившего человека и поднявшего его в воздух. Визг умирающего вознесся над другими звуками боя, когда дракон разорвал его тело пополам. Крики ужаса из более отдаленных человеческих рядов улаждали слух Тинталья, и она вдруг поняла, чего хочет ее спутник.

До нее донеслась посланная им мысль:

Страх не менее важен, чем смерть. Их нужно хорошенько проучить, чтобы впредь и думать боялись о нападении на драконов. Некоторым надо дать сбежать, пусть расскажут своим обо всем, что тут произошло. — А затем Айсфир добавил, мрачно и резко: — Но уцелеть мы позволим лишь немногим!

Да, немногим, — согласилась Тинталья и выбралась из воды.

Ринувшись к людям, которые собрались здесь, чтобы убить ее, она принялась разбрасывать их в стороны своими когтистыми передними лапами с такой же легкостью, с какой кошка разматывает клубок ниток. Она хватала их, отрывала ноги и руки, наносила увечья, но не убивала. Драконица высоко подняла голову, а затем резко подалась

вперед, с шипением выдохнув ядовитую кислоту. Человеческая стена перед нею плавилась, превращаясь в месиво из костей и крови.

День уже клонился к вечеру, когда два дракона описали последний круг над землей. Уцелевшие воины в беспорядке, словно испуганные муравьи, бежали к поросшей кустарником гряде.

Пусть разнесут весть повсюду! А мы, пока мясо не протухло, вернемся к оазису, — предложил Айсфир.

Он лениво наклонил крылья, прекращая преследование врагов, и Тинталья сделала то же самое.

Она была не против отдохнуть. Копье выпало из раны, которую проделало в ее шкуре, но стрела с другой стороны осталась. И это очень беспокоило Тинталью: как бы не вошла глубже. В момент затишья, когда в битве наступила недолгая передышка, драконица попыталась вытащить стрелу, но сделала только хуже. Стрела сломалась, а оставшийся обломок был слишком коротким, чтобы Тинталья могла схватить его зубами. Пытаясь его подцепить, она лишь вогнала стрелу глубже. С каждым взмахом крыльев Тинталья чувствовала, как деревянное древко и металлический наконечник вонзаются в ее плоть.

Сколько было нападавших? — поинтересовалась она.

Сотни. Да какая разница? Они не убили нас, а те, кому мы позволили сбежать, расскажут соплеменникам, что глупо было даже пытаться одолеть драконов.

Но почему они вообще напали на нас?

Подобное поведение не вписывалось в ее опыт общения с людьми. Те, с кем Тинталье прежде приходилось встречаться, всегда восхищались ею, предпочитая служить драконице, а не ссориться с ней. Некоторые, правда, пытались бросить ей вызов, пищали что-то о неповиновении, но она всегда находила способ держать их в узде. Тинталье и раньше приходилось сражаться с людьми, но те никогда не устраивали на нее засаду.

Она убивала калсидийцев только потому, что выбрала себе в союзники торговцев Удачного, уничтожая врагов местных жителей в обмен на их помощь змеям, которые должны были преобразиться в драконов. Может быть, сегодняшнее нападение связано с этим? Да нет,

вряд ли. Люди такие недолговечные. Способны ли они на столь расчетливую месть?

Айсфир рассуждал проще:

Они напали на нас, потому что они — люди, а мы — драконы. Большинство двуногих ненавидит нас. Некоторые лицемерно поклоняются нам и приносят дары, но за их лестью и раболепием кроются совсем иные чувства. Никогда не забывай об этом. В этой части мира люди с незапамятных времен ненавидели нас. Еще до того, как я стал драконом, они травили собственные стада медленным ядом, чтобы убить нас.

Они хватали и пытали наших слуг Элдерлингов в надежде узнать секреты и использовать их против нас. Чтобы ослабить драконов, люди рушили наши твердыни и каменные столпы, с помощью которых Старшие путешествовали. А тех нескольких драконов, кого им удалось убить, люди разделали как скот, используя нашу кровь и мясо в качестве снадобий для своих немощных тел.

Я не помню ничего подобного. — Тинталья тщетно рылась в памяти предков.

Похоже, ты вообще многого не помнишь. Думаю, ты слишком долго была заключена в коконе, и это повредило твой разум и лишило существенной части знаний.

Тинталья ощутила вспышку гнева. Айсфир часто говорил ей подобные вещи, и обычно после этого драконица намекала, что он сам слегка свихнулся после долгого заточения во льдах. Но сейчас она подавила ярость: необходимо узнать больше. Да и стрела в боку беспокоила ее.

И что же случилось потом?

Айсфир повернул к Тинталья голову на длинной шее и злобно посмотрел на нее:

А что могло случиться? Ясное дело, мы их уничтожили. Люди и без того достаточно невыносимы. Не хватало еще позволять им думать, будто они могут противостоять нашим желаниям.

Драконы приблизились к источнику в сердце оазиса. Человеческие туши были разбросаны повсюду на песке, и, спускаясь вдоль склона, Тинталья и Айсфир словно бы погружались в пруд из крови, такая густая вонь стояла вокруг. Под лучами вечернего солнца трупы уже начали разлагаться.

После того как поедим, надо улететь подальше и найти чистое место для сна, — объявил черный дракон. — Нам придется какое-то время не навещать оазис, пока шакалы и вороны не уничтожат всю пададь. Здесь слишком много мяса для одного ужина, а люди быстро портятся.

Он забрался в озеро, на поверхности которого до сих пор покачивалось несколько человеческих тел. Тинталья последовала за ним. Поднятые ими волны все еще очищали берег, когда Айсфир вытащил первый труп из воды.

Избегай тех, кто заключен в металл, — посоветовал он подруге. — Лучше выбирай лучников, обычно они носят простую кожу.

Дракон разорвал тело пополам и поймал одну его часть, прежде чем она успела упасть в воду. Он подбросил половину туши в воздух, а затем схватил ее челюстями, наклонив голову, и проглотил. Другая половина с плеском упала и утонула в озере. Айсфир выбрал другого воина, ухватив его за голову и раздробив тело мощными челюстями, прежде чем проглотить целиком.

Тинталья выбралась из грязной воды и молча смотрела на него.

Люди быстро портятся. Надо есть прямо сейчас.

Я никогда не пробовала человечину. — Тинталья ощущала легкое отвращение. Она и раньше убивала людей, но сроду не прикасалась к их мясу. Почему? Теперь это даже показалось ей странным.

Тинталья подумала о людях, которых одарила своей дружбой. Рэйн, Малта и Сельден, ее юный певец... Она открыла им путь Старших, но потом нечасто вспоминала всех троих. Сельден... Мысль о нем вызвала искорку радости.

Теперь в мире был певец, знающий, как должно славить дракона. Этих троих она выбрала и сделала своими Старшими. Наверное, они не такие, как те, кто напали на них сегодня. Если бы кто-нибудь из Старших умер, а она оказалась бы поблизости, то непременно съела бы тело, чтобы сохранить их воспоминания.

Но есть других людей? Айсфир прав: это просто мясо. Тинталья двинулась вдоль берега и выбрала тело, настолько свежее, что оно еще истекало кровью. Драконица разделила его на две части, ощутив языком кости и кожу, и прожевала несколько раз, прежде чем проглотить.

Ну что же, все правильно: мясо есть мясо, а после схватки Тинталья порядком проголодалась.

Айсфир ел, стоя на одном месте, передвигаясь в сторону лишь на пару шагов и протягивая шею за добавкой, недостатка в которой не наблюдалось. Тинталья же была более разборчивой. А ведь ее спутник прав: человечина очень быстро начинает портиться — от некоторых трупов уже разило разложением. Она выискивала тех, кто скончался совсем недавно, и отбрасывала с пути уже начинающие коченеть тела.

Тинталья как раз ворошила очередную грудку мертвецов, когда один из них вдруг издал низкий вопль и попытался отползти от нее подальше. Человек был молодым и тщедушным, с ногами, частично разъеденными драконьим ядом. Хныча от боли, юноша продолжал ползти в сторону. И только когда Айсфир, привлеченный странными звуками, приблизился, чтобы узнать, в чем дело, мальчишка заговорил.

— Пожалуйста! — взмолился он, и голос его тут же сорвался на ребяческий писк. — Прошу вас, не убивайте меня! Мы не хотели нападать на вас — ни я, ни мой отец. Это все они, они нас заставили! Люди герцога забрали моего старшего брата, мать и двух сестер. Нам пригрозили, что если мы не станем вместе со всеми охотиться на вас, то наш дом сожгут, а весь наш род уничтожат под корень. У нас просто не было выбора. Мы не хотели причинять вам вреда, о прекраснейшие и мудрейшие драконы!

— Как-то ты припозднился со своими восхвалениями, — хмыкнул Айсфир, которого немало позабавила подобная попытка очаровать их.

— И кто же захватил твоих родичей? — поллюбопытствовала Тинталья.

Яд разъел ногу юноши до самой кости. Человек был обречен.

— Люди герцога, властителя Калсиды. Они велели нам добыть для него частичку дракона. Герцог тяжело болен, и ему необходимо чудесное снадобье. Нам сказали, что, если мы доставим кровь или плоть дракона — например, печень или глаз, — герцог озолотит нас. А если мы откажемся, то... — Молодой человек перевел взгляд на свою ногу. Какое-то время он пристально рассматривал ее, а потом выражение его лица вдруг резко изменилось. Он поднял взгляд на Тинталью и заключил: — Да не все ли равно. Мы так и так уже мертвы.

— Это правда, — ответила Тинталья.

Но прежде, чем смысл ее слов успел дойти до сознания юноши, Айсфир склонил к несчастному свою голову, и его челюсти сомкнулись вокруг туловища калсидийца. Все произошло мгновенно, со скоростью змеиного броска.

Свежее мясо вкуснее. Незачем ждать, пока труп этого человека начнет разлагаться, подобно другим.

Черный дракон вскинул голову, заглатывая останки мальчишки, а затем перешел к следующей груди тел.

Двадцать девятый день месяца Тишины, седьмой год Вольного союза торговцев

От Рейала, исполняющего обязанности смотрителя голубятни в Удачном, — Киму, смотрителю голубятни в Кассарике

Мое почтение, Ким!

Мне было поручено передать тебе жалобы, поступившие от нескольких наших клиентов. Они утверждают, что якобы обнаружили на конфиденциальных посланиях следы постороннего вмешательства, хотя восковые пробки на футлярах и остались нетронутыми.

В двух случаях на строго конфиденциальных свитках треснули восковые печати. В третьем же внутри футляра были найдены кусочки восковой печати, а свиток с сообщением был закручен криво, как будто кто-то открыл футляр, прочитал послание, а затем вернул его на место, заново запечатав особым воском, которым пользуются смотрители голубятни. Эти жалобы поступили независимо от трех разных торговцев, и речь в них идет в том числе и о письмах некоего Кандрала из Кассарика.

Никакого официального расследования пока не проводилось. Я уговорил всех подавших жалобы сначала позволить мне связаться с тобой. Предлагаю тебе поговорить с торговцем Кандралом и попросить его показать свою печать и материал, который он применяет для запечатывания посланий. Мы все — как я сам, так и мои наставники здесь, в Удачном, — от души надеемся, что виной всему использование некачественного, старого или слишком хрупкого воска, а вовсе не непорядочность смотрителей голубятни. Тем не

менее настоятельно советуем тебе внимательно присмотреться ко всем ученикам, поступившим на работу в прошлом году.

Поверь, нам очень неприятно писать тебе это, и мы уповаем на то, что ты поймешь все правильно. Мой наставник просит передать, что абсолютно уверен в честности зрителей голубятни в Кассарике и с нетерпением ждет, когда досадное недоразумение разъяснится.

*Надеюсь на скорейший ответ,
Рейал*

Глава 1. Герцог и пленник

— Мы до сих пор не получили никаких известий, о величайший из величайших. — Посланник, преклонивший колени перед герцогом, с трудом сдерживал дрожь в голосе.

Герцог восседал на троне, опираясь на подушки, и наблюдал за гонцом. Лучшее, на что мог надеяться человек, принесший дурные вести, — это порка. А уж сейчас, когда речь шла о жизни и смерти властителя Калсиды, положение было и того серьезнее. Герцог ждал, что выдержка изменит гонцу.

Однако стоявший на коленях мужчина не поднимал глаз, упрямо вперившись взглядом в пол. Что ж, этот посыльный и раньше отправлялся на свидание с плеткой. Он знал, что придется пережить очередную порку, и заранее смирился со своей участью.

Герцог слегка повел пальцем — полноценное движение отнимало слишком много сил. Но его канцлер научился различать самые слабые знаки правителя и молниеносно на них реагировать. Он, в свою очередь, более выразительным жестом велел стражнику вывести посланника из зала.

Перестук легких сандалий гонца вплетался в глухой топот сапог стражников, спешно исполнявших приказ. Никто не решался произнести ни слова. Канцлер снова повернулся к герцогу и низко согнулся, коснувшись лбом коленей. Затем он медленно опустился на колени и наконец набрался смелости посмотреть на сандалии герцога.

— Я глубоко сожалею, что нам нечем тебя порадовать.

В тронном зале воцарилась тишина. Грубый камень, из которого были сложены стены огромного помещения, напоминал всем посетителям, что когда-то это место было частью крепости. С арочного потолка, выкрашенного в синий цвет полуночи, смотрели застывшие навеки звезды. Из прорезей высоких окон открывался вид на раскинувшийся вокруг город.

Во всей Калсиде не было ни единого строения выше цитадели герцога на холме. Когда-то на вершине стояла крепость, и под защитой ее стен круг черных камней, средоточие мощной магии, тянулся к небу.

Люди до сих пор рассказывали сказки и легенды о том, как эти камни были повалены, а их злая сила побеждена.

Эти самые гигантские камни — с отчасти стертymi временем, а отчасти намеренно сбитыми с их поверхности древними рунами — теперь лежали вокруг герцогского трона, вровень с окружающими их серыми плитами пола. Черные камни указывали направления пяти сторон света. Согласно молве, под каждым из них имелась квадратная яма, где в древности заживо погребли врагов Калсиды, владевших магией. Расположившийся в центре трон напоминал всем, что герцог восседает там, где в былые времена нога человека не ступала без страха.

Герцог разомкнул губы, и паж, державший чашу с прохладной водой, мгновенно вскочил, метнулся вперед, упал на колени и протянул ее канцлеру. А тот, также передвигаясь на коленях, приблизился к властителю и поднес чашу к его губам.

Правитель Калсиды склонил голову и отпил воды. Когда он оторвался от чаши, еще один слуга возник поблизости и подал канцлеру лоскут мягкой ткани, чтобы тот мог промокнуть лицо и подбородок герцога.

Герцог позволил канцлеру вернуться на место. Теперь, утолив жажду, он был готов говорить.

— Значит, Эллик, до сих пор нет никаких известий от тех, кого мы отправили в Дождевые чащобы?

Канцлер сгорбился пуще прежнего. Подол одеяния из тяжелого красно-коричневого шелка лужей распластался вокруг него. Сквозь редующие волосы виднелась кожа головы.

— Нет, наипрославленный. Со стыдом и великой грустью я вынужден сообщить тебе, что никаких известий от них пока не поступало.

— Стало быть, нельзя ожидать и скорого прибытия драконьей плоти или крови, так? — Герцог и сам прекрасно знал ответ, но пожелал принудить Эллика его озвучить.

Голова канцлера опустилась почти до самого пола.

— О, блистательный, к своему стыду и смятению, должен признать, что до нас пока что не дошло известий о поставках подобного рода.

Герцог какое-то время обдумывал сложившееся положение вещей. Ему было слишком тяжело держать веки полностью открытыми, да и громкая, отчетливая речь требовала невероятных усилий. Многочисленные золотые кольца, обильно украшенные драгоценными камнями, едва держались на его костлявых пальцах, и руки его с трудом могли подняться под их тяжестью. Роскошная мантия не скрывала чрезмерную худобу властителя Калсиды. Он чахнул с каждым днем, он умирал, а все вокруг смотрели на него в ожидании. Он должен был подобающим образом ответить Эллику, ни в коем случае нельзя демонстрировать придворным слабость.

— Так сделай что-нибудь, чтобы изменить положение к лучшему, — тихо произнес он. — Разошли гонцов ко всем возможным торговым партнерам, о которых нам известно. Отправь им особые дары, побуди их быть беспощадными. — Он не без труда вскинул голову и повысил голос: — Полагаю, Эллик, не стоит лишний раз напоминать, что если я умру, то и тебя похоронят вместе со мной?

Его слова должны были прозвучать грозно, заполнить весь зал, но вместо этого он услышал лишь то, что услышали его слуги — раздраженный вскрик старого, умирающего человека. Недопустимо, чтобы такой властитель, как он, не имел престолонаследника! Герцог сейчас вовсе не должен был говорить сам, пусть бы его преемник и законный представитель кричал на придворных, принуждая их к немедленному повиновению. Вместо этого ему приходится чуть ли не шептать угрозы, шипеть, словно старая беззубая змея.

Как же до этого дошло? А ведь у него были сыновья — и много, даже слишком много. Некоторые оказались настолько честолюбивыми, что попытались свергнуть отца. Кого-то он отправил на войну, кого-то в пыточные застенки — за непочтительность. Несколько благоразумно отравил. Эх, если бы он знал, что болезнь унесет не только выбранного им наследника, но и последних троих сыновей, то, возможно, сохранил бы еще кого-нибудь про запас... Но кто же думал, что все так обернется?!

И теперь он остался лишь с одной-единственной никчемной дочерью: тридцатилетней, бездетной, обладающей мужскими повадками и таким же складом ума. Трижды вдова, не способная дать ребенку жизнь. Женщина, читающая книги и сочиняющая стихи. Абсолютно бесполезная для него и, пожалуй, даже опасная ведьма. А в

его собственном теле больше не осталось силы, чтобы сделать ребенка какой-нибудь женщине.

Нет, это невыносимо. Он не может умереть, не оставив наследника, чтобы имя его обратилось в прах на жерновах истории. Пусть ему доставят чудесное снадобье — драконью кровь, которая вернет ему здоровье и мужскую силу. Тогда он обзаведется дюжиной наследников и предусмотрительно оградит их от всех возможных несчастий.

Кровь дракона. Такое, казалось бы, простое лекарство, однако никто до сих пор не смог добыть его.

— Если мой господин умрет, горе мое будет так велико, что лишь погребение вместе с ним сможет успокоить меня, о милосерднейший.

Льстивый ответ канцлера вдруг показался герцогу жестокой насмешкой.

— Помолчи уж, Эллик. Подобное пустословие лишь раздражает меня. Что толку понапрасну твердить о своей преданности? Где драконья кровь или плоть, что спасет меня? Вот что мне нужно, а не твои глупые восхваления. Здесь что, не осталось ни одного человека, готового послужить своему герцогу? — Это потребовало невероятных усилий, но на сей раз его голос звучал достойно. Когда правитель Калсиды пристально осмотрел присутствующих, ни один не осмелился встретиться взглядом со своим господином.

Все в ужасе съежились, и герцог намеренно дал подданным время вспомнить о сыновьях, которых держал в заложниках, о сыновьях, которых никто из них не видел уже много месяцев. Он позволил людям помучиться несколько долгих мгновений, гадая, живы ли их наследники, а затем спокойно спросил:

— Есть ли новости от отряда, который мы отправили проверить слухи о драконах, замеченных в пустыне?

Канцлер застыл, явно пребывая в растерянности.

«Что, Эллик, не знаешь, как выкрутиться? — злорадно подумал герцог. — Ты помнишь, как в былые времена мы плечом к плечу шли в атаку? А теперь посмотри, во что превратились могущественный правитель и его бравый военачальник: дряхлый старик и раболепствующий слуга. Как только ты принесешь мне необходимое снадобье, все снова станет как прежде. Почему ты подводишь меня? У тебя есть собственные амбиции? Ты замышляешь что-то против своего господина? Я должен убить тебя?»

Он пристально смотрел на канцлера, но глаза Эллика были опущены. Потеряв терпение, герцог рявкнул:

— Отвечай! Есть новости или нет?

Эллик поднял взгляд, и герцог увидел в его серых глазах ярость, скрытую под раболепием. Да, они скакали рядом слишком долго и сражались бок о бок слишком часто, а потому могли читать мысли друг друга. Эллик знал каждую уловку герцога. Когда-то этот человек, бывший правой рукой властителя, старательно подыгрывал ему во всем, но теперь он уже стал уставать от этого. Канцлер глубоко вздохнул:

— Как и прежде, ни слова, мой господин. Но драконы прилетают к воде нечасто, и мы приказали отряду оставаться на месте, пока их усилия не увенчаются успехом.

— Что ж, по крайней мере, мы пока не получили донесения об их неудаче.

— Нет, великолепнейший, еще есть надежда.

— Надежда? Ты, возможно, и надеешься, а я — требую! Скажи, Эллик, ты надеешься, что твое имя переживет тебя?

Бедный канцлер буквально застыл от ужаса: герцог знал его самое уязвимое место.

— Да, господин, — прошептал он.

— Ведь у тебя есть наследник, и не один?

— Да, милосерднейший, небеса благословили меня. У меня двое сыновей. — Герцог с удовлетворением отметил, что голос Эллика дрогнул.

— Хм... — Правитель Калсиды попытался прочистить горло, но закашлялся, что породило суету среди слуг: ему тут же принесли бокал прохладной воды и чашку горячего чая; один паж в ожидании застыл рядом с белой салфеткой в руке, а другой предлагал ему стакан вина.

Едва заметным жестом герцог разогнал их всех. Он хрипло вздохнул.

— У тебя двое сыновей, канцлер. Поэтому ты и надеешься. Но у меня нет сына. И здоровье мое угасает, хотя поправить его так просто. Принеси мне лекарство из крови дракона — это все, о чем я прошу. Однако я до сих пор не получил чудесное снадобье. А теперь скажи: разве это справедливо, что у тебя есть все основания надеяться на то,

что твой род продолжится в веках, а я умру, не оставив наследника? Разумеется, нет.

Под взглядом своего господина канцлер как будто уменьшался. Он весь сжался и съежился, его голова упала на преклоненные колени, бедняга словно бы стремился стать невидимым, дабы избежать внимания герцога.

Тень улыбки тронула губы правителя Калсиды.

— Ладно, сегодня можешь оставить сыновей при себе. А вот что будет завтра? Трудно сказать, но мы с тобой оба будем надеяться на хорошие новости.

— Сюда! — Кто-то поднял тяжелое полотнище, служившее дверью.

Тонкий луч света на мгновение пронзил тьму, чтобы тут же смениться желтым светом лампы. В соседней клетушке заскулил и завозился двухголовый пес. Сельден задумался: когда бедное создание в последний раз видело дневной свет, настоящий дневной свет?

Это искалеченное существо уже было здесь, когда появился Сельден. А ведь с тех пор, как он сам в последний раз чувствовал прикосновение солнечных лучей, прошли месяцы, возможно, даже год. Дневной свет — враг всего таинственного. Дневной свет мог разоблачить все диковинки и чудеса, выставленные в шатре на базаре на потеху зевакам: показать, что на самом деле это либо просто уродцы, либо подделки. Дневной свет мог открыть, что даже экспонаты с претензией на подлинность находились в плачевном состоянии.

Такие, как он сам.

Свет фонаря приблизился, и от вспышки желтого света его глаза заслезились. Сельден отвернулся и зажмурился, но даже не попытался встать. Он точно знал длину цепей, прикованных к лодыжкам, и уже опробовал на них свою силу, когда его еще только привезли сюда. За прошедшее с тех пор время они нисколько не ослабели, в отличие от него самого. Сельден лежал неподвижно и терпеливо ждал, пока посетители уйдут, но те задержались напротив его загона.

— Это он? Я думал, дракон будет крупнее! А он не больше обычного человека.

— На самом деле он высокий. Просто это незаметно, когда он так свернулся.

— Я почти не вижу его там, в углу. Мы можем войти внутрь?

— Не стоит заходить туда, куда достанет его цепь.

Посетители замолчали, затем заговорили тише. Сельден не пошевелился. То, о чем они говорили, несколько его не интересовало. Он потерял способность испытывать смущение или унижение. Ему все еще не хватало одежды, но в основном из-за холода. Иногда, между показами, тюремщики бросали ему одеяло, но частенько они забывали это делать. Почти никто из служителей не понимал его языка, так что просить их было бесполезно.

До затуманенного сознания Сельдена медленно дошло, насколько необычно то, что мужчины, обсуждавшие пленника, говорили на знакомом ему языке. Калсидийский был языком его отца, и Сельден выучил его в тщетной попытке произвести на родителя впечатление. Юноша не пошевелился и не подал вида, что все понимает, но начал прислушиваться.

— Эй! Эй ты, драконий парень! А ну-ка, встань! Дай господам посмотреть на тебя!

Сельден мог бы проигнорировать приказ, но тогда они бросили бы в него чем-нибудь, чтобы заставить двигаться, или начали бы крутить ворот, натягивая цепь, — словом, ему придется самому подойти к задней стене, или же его отволокут туда силой. Тюремщики боялись его и, похоже, впрямь не считали человеком. Они всегда закручивали цепь, когда приходили выкидывать солому, которая устилала пол его загона. Сельден вздохнул, разогнулся и медленно встал на ноги.

Один из посетителей ахнул:

— И впрямь высокий! Только посмотри, какие длинные ноги! А хвост у него есть?

— Нет. Хвоста нет. Но он весь покрыт чешуей и сверкает как бриллиант, если вывести его на дневной свет.

— Ну так выведи. Интересно будет посмотреть на него на свету.

— Нет, ему это не нравится.

— Лжец, — сказал Сельден четко. Затем фонарь ослепил его, но он продолжил обращаться ко второй из тех фигур, которые мог различить. — Он не хочет, чтобы ты видел, что я болен. Он не хочет, чтобы ты заметил, как тут надо мной издеваются, увидел, что моя

лодыжка вся в язвах от цепи. Но больше всего он не хочет, чтобы ты понял: я такой же человек, как и остальные.

— Он умеет говорить! — Посетитель выглядел скорее пораженным, чем испуганным.

— Да, но у тебя ведь хватит благоразумия не слушать его, верно? Он же наполовину дракон, а всем известно, что драконы способны навести на людей чары и заставить их поверить во что угодно.

— Я не дракон! Я человек, такой же, как и вы, но измененный по воле дракона. — Сельден попытался убедить собеседника, но ему не хватало сил.

— Видишь, как он лжет? Мы не отвечаем ему. Если позволишь ему вовлечь себя в беседу, мигом попадешь под его чары. Без сомнения, именно так дракон и соблазнил его мать. — Служитель прочистил горло. — Итак, я показал тебе товар. Вообще-то, мой хозяин не хочет продавать его, но говорит, что выслушает твоё предложение, раз уж ты проделал такой путь.

— Дракон соблазнил мою мать?! Что за бред! Столь дикой и нелепой выдумке не поверит даже ребенок! И ты не можешь продать меня, поскольку мной не владеешь! — Сельден поднял руку и попытался прикрыть глаза от яркого света, чтобы рассмотреть говорившего, но это не помогло.

На его слова даже не ответили, на него вообще не обратили внимания. И внезапно он понял: язык тут ни при чем, они просто не хотят видеть в нем что-то, кроме дорогостоящей диковинки.

А эти двое как ни в чем не бывало продолжили разговор.

— Ты же знаешь, что я всего лишь посредник и покупаю его не для себя. Твой хозяин просит очень высокую цену. Мой доверитель богат, но недаром говорят, что богачи гораздо скупее бедняков. Если я потрачу его деньги, а человек-дракон разочарует покупателя, мне придется худо.

Перед слезящимися глазами Сельдена расплывались два силуэта. Два человека, которых он даже не знал, спорили о том, сколько стоит его жизнь. Он сделал к ним шаг, волоча через заплесневелую солому свою цепь.

— Я болен! Вы что, не понимаете этого? Неужели в вас не осталось ни капли порядочности? Вы держите меня здесь в оковах, кормите

полусгнившим мясом и черствым хлебом, я месяцами не вижу дневного света... Вы убиваете меня!

— Моему доверителю нужны доказательства, прежде чем он потратит столько золота. Не буду ходить вокруг да около: за ту цену, что ты просишь, следует позволить мне отправить ему что-нибудь в знак подтверждения честных намерений. Если этот парень и впрямь тот, за кого его выдают, твоему господину заплатят сполна. И все будут довольны.

Последовала долгая пауза.

— Я передам твои слова хозяину. А сейчас не хочешь ли промочить горло? Мы с тобой заслужили выпивку.

Мужчины уходили, и фонарь раскачивался в такт их шагов. Сельден рванулся, и цепь натянулась до предела.

— У меня есть семья! — кричал он им вслед. — У меня есть мать! У меня есть брат и сестра! Я хочу домой! Пожалуйста, отпустите меня домой, пока я не умер здесь!

Лишь короткая вспышка дневного света стала ему ответом. Они ушли.

Он закашлялся и обхватил себя руками, чтобы сдержать боль. Выплюнув мокроту на солому, Сельден задумался: была ли там кровь? Слишком темно, чтобы сказать точно. Он чувствовал только, что кашель стал сильнее.

Юноша неуверенно проковылял назад к куче соломы, на которой спал. Опустился на колени, а затем лег. Каждая косточка в его теле болела. Он потер отекавшие глаза и снова закрыл их. Зачем он позволил этим людям втянуть себя в абсолютно бесполезный спор? Не проще ли смириться и спокойно ждать смерти?

— Тинталья, — сказал он тихо и мысленно потянулся к драконице.

Раньше она чувствовала, когда Сельден искал ее, позволяла прикоснуться к своему разуму. Но с тех пор, как Тинталья нашла себе пару, он утратил связь с ней. А ведь Сельден почти боготворил синюю драконицу, восхищался ее великолепием и слагал о ней песни.

Песни. Сколько времени прошло с тех пор, как он пел для Тинтальи, с тех пор, как он пел вообще? Он любил ее и верил, что это взаимно. А ведь окружающие предупреждали его. Все говорили о драконьих чарах, о трансе, который драконы используют, чтобы поработать людей, но Сельден никому не верил. Он жил, чтобы

служить Тинталье. Но хуже всего было то, что даже сейчас, лежа здесь, на грязной соломе, как брошенная ручная зверушка, Сельден знал: если вдруг драконица найдет его, будет достаточно одного взгляда, чтобы он снова сделался ее преданным слугой.

— Вот кем я стал. Вот в кого она меня превратила, — тихо произнес юноша.

Ответом ему была тишина. И только в соседней клетушке заскулил двухголовый пес.

Седьмой день месяца Надежды, седьмой год Вольного союза торговцев

От Кима, смотрителя голубятни в Кассарике, — Рейалу, исполняющему обязанности смотрителя голубятни в Удачном

Изволь передать своим наставникам, что я считаю чрезвычайно неприятным, когда мелкую сошку вроде тебя уполномочивают выдвигать против меня столь отвратительные обвинения. Полагаю, что временное исполнение обязанностей смотрителя голубятни в отсутствие Эрека вскружило тебе голову и заставило вообразить себя важной персоной, тогда как на самом деле ты всего лишь подмастерье.

Я также советую мастерам из гильдии Голубиной почты в Удачном хорошенько присмотреться к твоим семейным связям и обратить внимание на то, что твои родственнички завидуют мне черной завистью, поскольку я получил повышение и был назначен на должность смотрителя голубятни в Кассарике. Полагаю, именно в этом и кроются истоки столь подлых наветов.

Я категорически отказываюсь связываться с торговцем Кандралом по означенному вопросу, поскольку сам никаких жалоб не получал. Уверен, что, если бы у этого человека действительно имелись какие-либо претензии, он бы не преминул высказать их мне лично. Я подозреваю, всему виной не воск или печать, а неосторожное обращение с почтовыми футлярами для конфиденциальных сообщений в голубятне Удачного. Видимо, подмастерье, который принимает птиц из Трехога и Кассарика, — то есть ты — крайне нерадив и неумел.

Если у гильдии Голубиной почты в Удачном есть претензии к тому, как послания обрабатываются служащими в Кассарике, я предлагаю им направить в наш городской Совет торговцев официальную жалобу с просьбой провести расследование. Не сомневаюсь, что Совет откажет вам в этом, поскольку полностью доверяет смотрителям местной голубятни и не захочет понапрасну оскорблять служащих, выдвигая против них столь возмутительные обвинения.

Ким

Глава 2. Битва драконов

Солнце прорвалось сквозь облака. Туман, скрывавший луг на склоне холма за бурной рекой, начал испаряться. Синтара подняла голову, уставившись на далекий горящий шар. Свет падал на ее чешуйчатую шкуру, но не слишком грел. Пока туман поднимался стелющимися завитками и исчезал от прикосновений солнечных лучей, сильный ветер пригнал с запада густые серые облака. Будет еще один дождливый день. А где-то в далеких южных землях восхитительный крупнозернистый песок раскаляется сейчас под жарким солнцем. Память предков развернула перед ней соблазнительную картину: до чего же хорошо валяться на песке и полировать чешую, пока та не начнет светиться. Синтаре и ее собратьям-драконам обязательно нужно переселиться в те благословенные края.

Еще несколько месяцев назад они должны были взмыть в воздух сверкающей бурей и, хлопая крыльями, отправиться в далекие южные пустыни. О, на скалистых возвышенностях, окружающих эти пустыни, всегда можно найти славную добычу. Будь драконы сейчас там, они бы охотились, ели до отвала и долго спали в тени, пережидая полуденный зной, а затем поднялись бы в ярко-синее небо, плавая в горячих воздушных потоках. Поймав правильный ветер, дракон способен без усилий парить над землей. И прекрасная синяя королева могла бы непринужденно скользить туда-сюда, наблюдая, как более тяжелые самцы сражаются в воздухе под нею. Синтара ясно представила себе эту картину: как они сталкиваются и плюются ядом, взмывают ввысь и налетают друг на друга, хватая противника когтями.

В конце такого сражения только один самец будет торжествовать победу. Его поверженные соперники вернутся в пески, чтобы погреться на солнышке и подсадовать на проигрыш, или, возможно, отправятся в богатые развлечениями холмы — выместить свое разочарование в диком веселье убийства. А дракон-победитель поднимется в воздух, хлопая крыльями, на высоту, достаточную, чтобы летать кругами, наблюдая за самками, и выделит ту, за которой хочет ухаживать. И тогда начнется битва совершенно другого рода.

Блестящие медные глаза Синтары были полуприкрыты веками, голова возвышалась на длинной и мощной шее, обращенная к далекому солнцу. Ее бесполезные синие крылья произвольно распахнулись. В ней всколыхнулось вожделение. Она почувствовала жаркую волну, прокатившуюся по чешуйкам на животе и горле, и учуяла запах собственного желания, источаемый особыми железами под крыльями. Она открыла глаза и опустила голову, пристыженная. Истинная королева, достойная спаривания, должна обладать могучими крыльями, способными поднять ее над теми облаками, что сейчас угрожали разразиться дождем и промочить ее насквозь. В полете она распространяла бы запах мускуса, пробуждая вожделение в каждом самце на милю вокруг. Истинная драконья королева никогда бы не блуждала по этим промокшим берегам в компании жалких, не умеющих летать самцов и еще более бесполезных людишек-хранителей.

Она отбросила прочь пустые мечты о славных сражениях и спариваниях в полете и недовольно заурчала. Синтара была голодна. Где же Тимара, ее хранительница? Она должна была охотиться для нее и принести ей свежую добычу. Ну и куда, спрашивается, запропастилась эта никчемная девица?

Внезапно налетевший мощный порыв ветра принес с собой сильный запах самца. Синтара поспешно сложила крылья.

Это был Кало. Его когтистые лапы коснулись земли, и он заскользил к Синтаре, едва успев вовремя остановиться, чтобы не врезаться в нее. Драконица вскинулась на задние лапы, выгнув блестящую синюю шею, и поднялась в полный рост. Несмотря на это, Кало по-прежнему возвышался над ней. Синтара увидела, как радостно вспыхнули его глаза, когда он осознал свое преимущество. Этот самец здорово вырос и окреп с тех пор, как они добрались до Кельсингры.

— Пока что это мой самый продолжительный полет, — похвастался Кало и встряхнулся, забрызгав Синтару каплями дождя, а затем аккуратно сложил широкие темно-синие крылья и расправил их вдоль спины. — Мои крылья становятся больше и сильнее с каждым днем. Скоро я снова буду владыкой небес. А что насчет тебя, королева? Когда ты поднимешься в воздух?

— Когда сама того пожелаю, — ответила Синтара и отвернулась. От Кало исходил запах похоти; его привлекала не дикая свобода полета, а то, что могло произойти во время него. Пожалуй, этот самец даже не заслуживал ее внимания. — И я бы не назвала это полетом, — ядовито заметила драконица. — Ты просто разбежался и прыгнул с холма в воздух. Прыжок — это еще не полет.

Ее критика была не совсем справедливой: прежде чем приземлиться, Кало успел пять раз взмахнуть крыльями. Испытывая стыд вперемешку с яростью, Синтара вспомнила свою первую попытку взлететь: хранители обрадовались, когда она подпрыгнула и оторвалась от земли. Однако ее крыльям не хватило сил, чтобы поднять ее, и она упала, плюхнувшись в реку. Поток швырял и бил ее, и она появилась из стремительной мутной воды, покрытая синяками.

«Не вспоминай о том унижении. Но впредь никто и никогда больше не должен увидеть твоей неудачи».

Свежий порыв ветра принес первые капли дождя. Она спустилась к реке, только чтобы напиться, и собиралась вернуться под слабое укрытие деревьев.

Но едва она отвернулась от Кало, как он выбросил голову вперед. Его челюсти сомкнулись у нее на шее, сразу под головой, чтобы она не могла извернуться и укусить его или плюнуть ядом. Синтара замахнулась на него когтистой передней лапой, но его шея была более длинной и мощной, и к тому же Кало вовремя отстранился, так что ее когти только зря полоснули воздух. Драконица взревела от ярости, и тогда он отпустил ее, сразу же отпрыгнув, так что и вторая ее атака оказалась абсолютно безрезультатной.

Кало широко распахнул крылья, готовый отбить нападение, если Синтара еще раз кинется на него. В его глазах, серебряных с проблесками зеленого, кружилось бешеное веселье.

— Ты должна учиться летать, Синтара! Ты должна снова стать настоящей королевой, владычицей моря, земли и неба. Оставь этих жалких земляных червей и присоединяйся ко мне. Мы будем вместе охотиться и убивать, мы улетим подальше от этих холодных дождей и бескрайних лугов, в южные пустыни. Прикоснись к памяти предков и вспомни, кем мы, драконы, всегда стремились стать!

Ее шея болела там, где его зубы задели плоть, но куда сильнее была задета ее гордость. Наплевав на опасность, Синтара напала на него

снова, распахнув пасть и собираясь плюнуть в обидчика ядом, но Кало ловко перескочил через нее с восторженным ревом. Когда она развернулась, чтобы противостоять ему, то обнаружила, что к ним с шумом приближаются алый Ранкулос и лазурный Сестикан. Драконы не созданы для перемещения по земле. Они неуклюже мчались рядом, словно жирные коровы. Изящная оранжевая грива Сестикана торчком стояла на затылке.

Едва добежав до них, Ранкулос возмущенно закричал, сверкая полураскрытыми крыльями:

— Оставь ее в покое, Кало!

— Не нуждаюсь в вашей помощи, — протрубила Синтара в ответ, после чего высокомерно отвернулась и гордо двинулась прочь.

Удовлетворение от того, что самцы готовы драться за нее, боролось с унижительным чувством, что она недостойна их схватки. Синтара не могла подняться в небо, продемонстрировав присущие королеве изящество и скорость; она не могла бросить вызов победителю этой глупой схватки, используя свои собственные ловкость и бесстрашие. Тысяча воспоминаний из памяти предков всколыхнулась в ее голове: о других сражениях самцов, их ухаживаниях и брачных полетах. Но все это мелькало где-то на краю ее сознания, и Синтара решительно выбросила подобные мысли из головы. Она не станет оглядываться на звуки драки: отчаянный рев драконов и бешеное хлопанье их крыльев.

— Мне нет необходимости летать, — презрительно бросила она через плечо. — Здесь нет никого достойного брачного полета.

И услышала, как в ответ с болью и яростью взревел Ранкулос.

Дождливый день вокруг Синтары разразился тревожными криками и визгливыми вопросами, исходившими от спешащих людей: хранители драконов дружно выскочили из своих разбросанных тут и там домиков и кинулись к дерущимся самцам. Вот же идиоты! Драконы могут запросто растоптать тех, кто посмеет вмешаться. И вообще, какое право люди имеют лезть в их дела? Синтару раздражало, что хранители обращались с ними как с домашней скотиной, которой нужно командовать, а не как с драконами, которым следует служить. Ее собственная хранительница, спешно накинув рваный плащ и пытаясь удержать его запахнутым на бугристой спине, бежала к ней, крича:

— Синтара, с тобой все в порядке? Ты не ранена?

Драконница высоко вскинула голову, приоткрыла крылья и требовательно спросила Тимару:

— Думаешь, я не в состоянии защитить себя? Думаешь, я слабая и...

— Берегись! — предупреждая крикнул кто-то, и Тимара, послушавшись, тотчас же пригнулась, закрыв голову руками.

Синтара весело фыркнула, когда золотистый Меркор промчался мимо них, широко распахнув крылья и вырывая когтистыми лапами пучки грязной травы, почти скользя над землей. Руки Тимары не смогли бы ее защитить, если бы острое драконье крыло задело девчонку. Да один лишь ветер, поднявшийся в результате движений Меркора, сбил хранильницу с ног, и она прокатилась по мокрой траве луга.

Крики людей и рев драконов заглушил трубящий во все горло Меркор, который врезался в самую середину клубка из дерущихся самцов.

Сестикан упал: неожиданный удар сбил его с лап. Его распахнутое крыло опасно изогнулось, когда дракон навалился на него всем туловищем, и Синтара услышала его яростный вопль, полный боли и ужаса. Ранкулос оказался в ловушке под вертящимся Кало. Кало попытался развернуться и ударить Меркора длинными когтями мощных задних лап. Но Меркор ловко выскочил из кучи дерущихся драконов, внезапно прыгнул вперед и лапами прижал распростертые крылья Кало к земле. Тот отчаянно царапал обидчика когтями, и у Меркора под ребрами возникали глубокие борозды ран. Затем Меркор дернулся и сдвинулся выше. Голова Кало и его длинная шея хлестали как кнут, но преимущество явно было на стороне Меркора. Бедный Сестикан, подмятый двумя огромными драконами, ревел в бессильной ярости. Крепкий запах мускуса, исходящий от драконьих самцов, поднялся над схваткой.

Толпа испуганных и сердитых хранителей окружила дерущихся, они громко вопили, выкрикивая имена сражающихся драконов и пытаясь помешать всем остальным к ним присоединиться. Фенте и Верас, самки меньшего размера, чем Синтара, с любопытством вытянули шеи и, игнорируя своих хранителей, отважились приблизиться на опасное расстояние. Балипер, хлеставший алым

хвостом, бродил вокруг места столкновения, отгоняя людей подальше и возмущенно рыча.

Схватка закончилась так же внезапно, как и началась. Меркор откинул золотую голову, а затем выбросил ее вперед, раскрыв челюсти. Послышались крики хранителей и встревоженный рев наблюдающих драконов: смерть Кало от облака ядовитой кислоты уже казалась неминуемой. Однако в последний момент Меркор захлопнул челюсти, резко опустил голову и выплюнул на уязвимое горло Кало всего лишь одну каплю яда. Сине-черный дракон закричал от боли и ярости. Тремя мощными ударами крыльев Меркор поднялся в воздух и опустился в стороне от Кало, приблизительно на расстоянии длины корабельного корпуса. Кровь струилась из длинной раны на ребрах, медленно заливая его золотистые чешуйчатые бока. Огромный дракон тяжело дышал, ноздри его раздувались, чешуя переливалась разными цветами, а защитные гребни вокруг глаз были высоко подняты. Он хлестнул хвостом, и запах агрессии наполнил воздух.

Едва Меркор отпустил Кало, тот перекатился на лапы. Рыча от бессильной злобы и унижения, он сразу направился к реке — смыть кислоту, пока она не проникла глубже. Карсон, хранитель Плевка, побежал вслед за Кало, призывая того остановиться и позволить ему осмотреть рану. Но черный дракон не обратил на человека никакого внимания. Ранкулос, избитый и ошеломленный, но не получивший никаких серьезных повреждений, пошатываясь, вскочил. Поднявшись на лапы, он потряс крыльями, а потом сложил их медленно, как если бы они болели. Затем, отчаянно пытаясь сохранить остатки собственного достоинства, Ранкулос похромал прочь от места схватки, где драконы вытоптали всю траву.

Отойдя в сторону от Кало, Меркор угрожающе прорычал:

— Не забывай, что я мог убить тебя! Всегда помни об этом, Кало!

— Ах ты, отродье ящерицы! — огрызнулся темный дракон, однако продолжил отступать к ледяной реке.

Синтара отвернулась от них. Ее удивило, что все закончилось так быстро. Вообще-то, у драконов было принято и драться, и спариваться в воздухе. Умей самцы летать, битва могла бы длиться несколько часов, возможно даже целый день, и в результате участники схватки разошлись бы, истекающие кровью и обожженные кислотой. На мгновение родовая память о таких состязаниях захватила ее сознание,

и сердце Синтары забилося от восторга. Самцы сражались бы за ее расположение, и в конце, когда остался бы только один, даже тогда он еще должен был принять ее вызов и доказать, что подходит драконице в полете, прежде чем предъявить права на то, чтобы спариться с ней. Они взмыли бы в воздух, поднимаясь все выше и выше, самец пытался бы повторить ее петли, резкие спуски и мощные подъемы. И если бы он преуспел, если бы ему удалось подойти достаточно близко, чтобы поравняться с королевой, только тогда их тела бы слились воедино, а крылья стали бы двигаться синхронно...

— СИНТАРА!

Рев Меркора отвлек ее от размышлений. И не только она одна обернулась узнать, что ему нужно. Все драконы и хранители, находившиеся на лугу, смотрели на них.

Огромный золотой дракон поднял голову и резко, с отчетливым хлопком распахнул крылья. Волна его свежего запаха смешалась с ветром.

— Ты не должна начинать того, что не можешь закончить, — упрекнул ее Меркор.

Синтара смотрела на него, чувствуя, как от ярости ее чешуя становится ярче.

— Это не имело к тебе никакого отношения, Меркор. Полагаю, тебе не стоило вмешиваться в то, что тебя не касается.

Он раскинул крылья шире и поднял тело еще выше на мощных лапах.

— Я буду летать. — Он не рычал, но даже так его слова были ясно слышны сквозь дождь и ветер. — Как и ты. И когда придет время для брачных игр, я одержу верх. И ты будешь моей.

Она воззрилась на него, потрясенная. Немыслимо, чтобы самец держался с драконицей столь дерзко. Синюю королеву порадовало его заявление о том, что она будет летать, однако Синтара постаралась скрыть свои чувства. Молчание затягивалось, и, осознав, что все смотрят на нее в ожидании ответа, драконица разозлилась.

— Не говори ерунду, — неуверенно произнесла она. Ей даже не нужно было слышать презрительное фырканье Фенте, чтобы понять: столь слабое возражение никого не впечатлило.

Отвернувшись от всех, Синтара гордо направилась назад к лесу, под прикрытие редких деревьев. Ей все равно. Ее не волнуют ни

наглость Меркора, ни насмешки Фенте. Сегодня там не произошло ничего стоящего ее внимания.

— Вряд ли это можно назвать славным сражением. — Она тихонько усмехнулась.

— Славное сражение — это то, чего ты пыталась добиться? — Тимара, эта бесцеремонная маленькая хранительница, внезапно догнала Синтару и побежала рядом.

Ее темные волосы свисали в беспорядке, в растрепанных косичках кое-где еще остались деревянные амулеты. Скатываясь с холма, она перемазала свой потрепанный плащ травой; на ногах у девчонки были самодельные ботинки из темной, плохо обработанной оленьей кожи, а вместо носков — какие-то разноцветные тряпки. За последнее время Тимара стала выше и тоньше, кости ее лица обозначились более четко. Крылья, которыми одарила свою хранительницу Синтару, слегка подрагивали под плащом на бегу. Несмотря на явную бестактность первого вопроса, голос девушки прозвучал озабоченно, когда она сказала:

— Остановись ненадолго и нагнись! Надо осмотреть твою шею в том месте, где Кало укусил тебя.

— Он не поранил меня. — Синтара и сама удивилась, что обсуждает такие вещи с простой смертной.

— Я хочу взглянуть: похоже, несколько чешуек вот-вот отвалятся.

— Я ничего не сделала, чтобы вызвать эту глупую склоку. — Синтара резко остановилась, опустила голову так, чтобы Тимара могла осмотреть ее шею, и разозлилась на себя: не хватало еще подчиняться воле человека. Ярость буквально клокотала внутри драконицы. Она даже хотела было, резко повернув голову, сбить Тимару с ног — якобы случайно, — но, чувствуя, как сильные руки девушки нежно расправляют растрепанные чешуйки, смягчилась. От хранительницы тоже есть польза.

— Ни одна из чешуек не оторвана до конца, но рано или поздно ты можешь их потерять.

Синтара ощутила огорчение хранительницы, пока та приводила ее в порядок. Хотя Тимара частенько грубила Синтаре, драконица знала, что девушка искренне беспокоится о ее здоровье и внешности. Любое оскорбление Синтары она принимала близко к сердцу. И настроение драконицы она тоже чувствовала.